

Е. В. Малышкин

ВИРТУАЛЬНО СУЩЕЕ И ЛАБИРИНТ СВОБОДЫ

Аннотация: Статья посвящена вопросу, что такое виртуальное, можно ли встретиться в опыте с виртуально сущим и каков этот опыт; в каком смысле метафизика Лейбница, точнее, его концепция творения как выбора Богом наилучшего из возможных миров может нам помочь прояснить концепт виртуального, коль скоро мы часто его задействуем, даже в тех случаях, когда не очень хорошо его понимаем.

Ключевые слова: виртуальное, метафизика Лейбница, дистрибутивное знание.

Abstract: The article is devoted to: what is virtual, can we meet with virtual beings and what kind of experience this meeting supposes; how Leibniz's metaphysics, more precisely, his concept of creation as God's choice of optimum helps us to clarify the concept of virtual, since we often deploy it, even in cases where it is not well understood.

Keywords: virtual being, Leibniz's metaphysics, distributive knowledge.

Метафизика Лейбница богата изобретениями: от оригинальной концепции творения до двоичного счисления и арифмометра. Известно и то, что Лейбниц редко выдумывал что-то сам с самого начала: он лишь переинтерпретировал уже так или иначе известные идеи, доводя их до собственного ума. Так и с обсуждаемым понятием: сам термин «виртуально сущее» появляется в схоластике у Дунса Скотта для обозначения божественного воображения, Лейбниц же вводит этот термин для описания божественного творения.

Виртуально сущий (*ens virtualis*) — это такой, который, не являясь действительным, не является и возможным. Лейбниц вспоминает об этом понятии, когда представляет собственное описание творения как выбор Богом наилучшего из возможных миров. В этом описании творение предстает как нечто сложное, не как непосредственное следование божественной природе, но как демонстрация самой этой природы, связанная с перебором вариантов. Шеллинг неприязненно отзывался об этой лейбницеvской задумке, утверждая, что она противоречит и божественной природе, и природе свободного человека. Действительно, Бог выглядит в процедуре выбора наилучшего из возможных миров несколько скаредным¹ существом, подсчитываю-

¹ А. Лавджой также усматривает в лейбницеvской концепции разрыв в великой традиции «изобилия», в которой возможности предшествует существование уже потому, что первое бытие, основание для всего остального, мыслится как бесконечно изобильное. См.: Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М., 2001.

© Е. В. Малышкин, 2013

СОБЫТИЯ

щим собственное величие. Да к тому же еще и не уверенным в собственном успехе: по замечанию Лейбница, если бы не нашлось ни одного мира, подходящего под определенный критерий благодати, Бог отказался бы от затеи сотворить какой бы то ни было мир. Для описания бытия каждого из возможных миров, которые еще не существуют, но все же возможны, или, точнее, всего лишь возможны, Лейбниц и использует термин «виртуальный» — от латинского *virtue*, т. е. наделенный определенной степенью благодати.

Понятие виртуально сущего, употребленное Лейбницем, одним из наиболее последовательных аристотелевиков Нового времени, противоречит аристотелеву положению, определившему судьбу школьной метафизики, о том, что действительное всегда предшествует возможному. Ведь виртуальному, повторимся, не предшествует никакое действительное, сам статус существования виртуального проблематичен. Потому закономерен вопрос по отношению к лейбницевой идее творения: что именно называть виртуальным бытием — состав мира или же мысль Бога, рассматривающего этот мир?

Прежде всего, *virtue* здесь следует понимать не только в смысле благодати (всякий мир наделен благодатью в той мере, в какой отвечает требованию *minimax*: наибольшего вмещаемого количества существ при простоте связи между ними), но и в смысле воинской доблести: миры сражаются друг с другом за главный трофей — существование, и остаться должен только один. Некоторые исследователи предлагают понимать это соревнование в том смысле, что не Бог наделяет существованием лучший из миров, а сам мир, наилучшим образом соответствующий первоначальному замыслу творения, побеждает в борьбе и сам добывается главного приза, просто по условию, т. е. не требует дополнительного декрета о своем существовании. Но есть и противоположный лагерь, к которому отношусь и я, в котором предлагается иначе отвечать на этот вопрос: поскольку существование есть все же не свойство соревнования, а одно из определений божественного совершенства, то даже лучший из возможных миров требует дополнительного божественного акта для собственного осуществления. Подробно этот спор я рассматривал в другом месте², и сейчас оставляю его в стороне, сейчас лишь отмечу, что бытие виртуального мира, как мы ни решали бы этот спор, обладает определенной степенью автономии по отношению к творцу, и этой автономии достаточно, чтобы спрашивать об атрибуции виртуального.

Нужно принять во внимание и другое обстоятельство: несмотря на то, что Бог не нуждается во временных инвестициях, чтобы осуществить выбор наилучшего, все же сам этот выбор не является чем-то простым, таким, что очевидно само по себе, неким безусловным началом. Ясно, что если Бог способен отказаться от творения, то оно является не необходимым событием, а контингентным, т. е. таким, противоположное чему возможно. И если акт творения, как и акт *cogito sum*, следует называть истинной факта, то и декрет о существовании не сводится к простейшему волевому решению

² См.: Малышкин Е. В. Лейбницевская концепция соревнующихся миров: память о благом призвании // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал (Тамбов). 2011. № 8 (14), ч. I. С. 151–153.

«Да будет!» и невозможен без процедуры перебора, которая хотя и не осуществляется во времени, все же предполагает сопоставление различного и привлечение божественного предпочтения (*potius*). Следовательно, процедура перебора в каком-то смысле отличается от уразумения тождества и противоречия, от восстановления вечных истин. Эти особенности божественного декрета: сложность и волевое дополнение к сосчитанности мы и должны обозначить как свойства перехода от виртуального бытия к актуальному.

Итак, мы имеем дело с двумя смыслами виртуальности: виртуальностью в смысле бытия одного из возможных миров и виртуальностью в смысле такого божественного акта, который «предшествует» акту творения, походит на некоторую нерешительность, и без этой заминки акт творения не может быть осуществлен.

Такую заминку в творении нельзя, конечно же, рассматривать как действительную нерешительность или как сомнение Бога. Само событие виртуального бытия миров и мышления Бога, мыслящего эти миры, понадобилось Лейбницу, чтобы выбраться из лабиринта свободы: если Бог творит только по необходимости, то он лишен свободы. По сути, здесь мы сталкиваемся с проблемой систематического понимания природы мысли: если самообосновывающая мысль может предъявлять себя только в форме системы, то самообоснование будет либо полагаться на привходящие посылки (грамматика, публичность, терминологическая традиция), либо будет лишена действительности свободы, т. е. все той же самостоятельности.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Философия Лейбница несистематична. Несложно найти противоречивые высказывания в работах и письмах Лейбница об одном и том же предмете, даже если принимать во внимание только сочинения одного временного периода. Так, Лейбниц называет протяженность то субстанцией, то хорошо обоснованным порядком или многократно говорит о том, что все предикаты входят в субъект, но при этом указывает, что полное понятие вряд ли достижимо даже и в математике. Первая фраза «Монадологии» сама неясна: монада есть простая субстанция, которая входит в состав сложных. Что есть сложные монады, в тексте работы не поясняется, каждый раз, когда говорится о составе, Лейбниц предпочитает термин «конгломерат». Примеры можно множить. Скажем, когда Лейбниц характеризует собственную философскую доктрину как систему предустановленной гармонии, слово «система» употребляется в локальном, слабом смысле, но не в смысле гегелевском, как сомообосновывающая связь понятий: под системой имеется в виду лишь всегда уже находимый порядок причин, но не порядок свободного от предпосылок рассуждения. Порядок находимый, т. е. такой, в котором мы себя уже всегда застаем, — это порядок согласования причин конечных и начальных, а вовсе не порядок согласования различных перспектив восприятия, как принято прочитывать эту черту монадологии в популярных изложениях лейбницевской доктрины. Если бы предустановленная гармония действительно согласовывала порядки восприятия монад, тогда были бы невозможны конфликты, либо же мы должны были бы признать, что предустановленная гармония сотворена не Богом, а выкована где-нибудь на автоВАЗе.

Доказывать несистематичность, т. е. небытие чего-то — дело неблагодарное, и нам бы не хотелось заниматься сейчас именно этим. Задача наша в другом: показать,

СОБЫТИЯ

что мысль Лейбница не является предисловием к системам Гегеля и Маркса, что прочитывать Лейбница как ранний вариант онтотеологии — значит попасть в ловушку школьной периодизации. Несистематичность, о которой шла речь, — это признание, что рассогласованность отдельных концепций в рамках единой доктрины является не случайной, а основополагающей чертой в том случае, когда мы ведем речь о философии Лейбница. Эта рассогласованность не мешает Лейбницу заниматься философией, т. е. отыскивать разнообразные способы указания на наилучшее. Что есть это наилучшее, в каком смысле мы должны его понимать — это должно показываться каждый раз и заново. Потому дело вовсе не в «энциклопедичности» Лейбница³. Что в лейбницевских работах по-настоящему привлекательно, так именно эта способность к возобновлению разговора о первом, наилучшем, в разных контекстах и на различном материале — от математических изысканий до геологических. Он брался думать о разных предметах и со многими возникавшими проблемами не только справлялся, но и умел продемонстрировать, каким образом это ему удалось.

Лейбницева концепция творения, в которой задействуется понятие виртуально сущего, неполна: Бог не тратил никакого времени на то, чтобы выбрать наилучший мир из возможных, но чтобы продемонстрировать его выбор, нам необходимо дискурсивное различие — прежде и потом, больше и меньше, хуже и лучше. К тому же сама концепция предъявляет понятие сравнения, приведения к тождеству, как основополагающее. Тождество Лейбниц предлагает мыслить в форме $A=A$, т. е. как полное понятие. Только тогда две вещи являются неразличимыми, когда мы перечислили все их предикаты. $A=A$ и есть такое перечисление. Сам Лейбниц, впрочем, о понятии тождества как о совершенном понятии высказывается с осторожностью: да, тождественные высказывания являются образцом всякого вообще восприятия. Но выстраивая классификацию ясности идей, существенную иерархию света в сочинении, озаглавленном «Размышления о познании, истине и идеях», Лейбниц пишет: «Познание бывает или темным, или ясным, ясное в свою очередь бывает смутным и отчетливым, отчетливое — неадекватным или адекватным, а адекватное бывает символическим или интуитивным. Самое совершенное знание то, которое в одно и то же время адекватно и интуитивно»⁴. Затем он осуществляет феноменологию перечисленных модусов познания, указывая, что без таковой не понятен ни Декарт с его принципом «воспринимаемое ясно и отчетливо истинно», ни Паскаль, когда утверждает, что

³ Если уж подыскивать какой-то образ Лейбницу, то наиболее подходящим, на наш взгляд, будет образ блоггера: действительно, он написал много кратких, но весьма привлекательных постов, еще больше — комментариев, да и основные его посты — это комментарии; редко был замечен в офф-лайне, хотя замечен все же был; отличался изысканным стилем, был полиглот. Вел сидячий образ жизни, так что «от этого у него сделалась даже рана на ноге» (см.: *Герье В. Лейбниц и его век*. СПб., 2008. С. 558). Его смерть тоже похожа на стильный пост: умер он, можно предполагать, от передозировки («По своему обыкновению принял три порции декокту, который ему дал какой-то иезуит...» — Там же. С. 559), но и перед смертью продолжал рассказывать врачу об алхимии и прочих снадобьях.

⁴ *Лейбниц Г. В. Размышление о познании, истине и идеях* // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1982–1989. С. 101. Краткий анализ этой классификации см.: *Майоров Г. Г. Теоретические основания философии Г. В. Лейбница*. М., 2007. С. 212–220.

долг математика — «определять все мало-мальски темные термины»⁵, т. е. выполняет заведомо полезную для науки работу, но в конце своей классификации говорит: «... Если же все, что входит в отчетливое понятие, в то же самое время познано отчетливо, или если анализ понятия может быть доведен до конца, то такое познание есть *адекватное*. Я не знаю, можно ли найти у людей пример такого познания, но понятие числа очень близко подходит к этому»⁶. И чуть ниже: «Но доступен ли человеку окончательный анализ понятий, т. е. может ли он сводить свои мысли к первым возможностям и неразложимым понятиям ... — этого я теперь не берусь решать (*non ausim*)»⁷. Таким образом, рассогласованность можно наблюдать не только между различными частями лейбницевой доктрины, но и в самих понятиях, когда ученый не только допускает неясность и неотчетливость, но и настаивает на ней: без такого допущения опыт не будет сообщать никакого знания, да и многие понятия, как математики, так и метафизики как науки о первых началах, окажутся вне возможных пределов рассмотрения. Так, счисление бесконечно малых опирается на фиктивное, но полезное понятие расстояния между двумя ближайшими точками на прямой. Концепция *inesse*, включенного бытия, опирается на полное понятие сущего, в котором перечислены все его предикаты — предполагаемое, но никогда не достигнутое, обсуждаемая нами концепция предпочтения наилучшего опирается на понятие виртуального, каковое также можно назвать фиктивным, поскольку возможность ограничена действительностью, тогда как виртуальное, если представлять его как возможность возможности, ничем не ограничено, а значит, либо вообще неопределенно (неизвестно, *чего* это возможность), либо допускает регрессию: возможность возможности возможности и т. д. Избегать такой регрессии призвано предпочтение наилучшего, избирающее мир к существованию.

Тождество как не нуждающееся в дополнительных свидетельствах сравнение является образцом, но образцом вряд ли для нас достижимым. То, без чего невозможно сравнение, есть не только тождество как универсальная мера, но и тождество как признак необходимости, т. е. прошедшее сквозь лабиринт свободы основание для предпочтения, *rotius*. Идет ли речь о предпочтении бытия перед ничто, или же о предпочтении наилучшего из возможных миров, речь идет о некоторой неравновесности, превосходстве. Бог, творя, отыскивает это превосходство. И тем самым проявляет и собственную волю, *rotius*. Конечные монады наделены, помимо способности к восприятию, еще и таким свойством, как *conatus*, стремлением. Неверно такое стремление понимать как желание вообще или волю вообще, так как это стремление к наилучшему, к совершенному, причем совершенное и бесконечное не противоречат друг другу, а являются синонимами. Здесь скрывается еще один парадокс монадологии: монады стремятся к совершенству, но что есть совершенство, они знают не знанием адекватным, а знанием по предпочтению, потому и предустановленная гармония не есть согласование души и тела, и «*mind-body problem*» для Лейбница оказывает-

⁵ Лейбниц Г. В. Размышление о познании, истине и идеях. С. 104.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Там же. С. 105.

СОБЫТИЯ

ся плохо поставленной в любой трактовке: во-первых, и совершенство постигаемо в структуре адекватного знания, о котором нельзя утверждать, что мы им располагаем, и понятие апперцепции не может быть образцом ума, поскольку *cogito sum*, по словам Лейбница, это истина контингентная, так как извлекается из опыта («ex simplici perceptione sive experientia»⁸), и, во-вторых, основание телесного, протяженное, есть не сущее, а всего лишь хорошо обоснованный феномен.

У нас, конечных мыслящих существ, как и у Бога, есть «прожилки реальности» — необходимые истины, и есть хорошо обоснованный порядок восприятия того, что в той или иной степени обладает совершенством. Аналогично тому, как Бог выясняет, какой из миров заслуживает главного приза, мы, уясняя, действительно ли то или иное сущее обладает тем или иным совершенством, «очищаем» собственное предпочтение⁹. Таким образом, универсум Лейбница — это не мир как картина, поскольку в этой картине есть только приблизительные, размытые очертания, это универсум проясняемых предпочтений. Монада, как указывает Лейбниц, обременена своим прошлым и беременна будущим, и все чередование времен приводит к прояснению того, что есть сама эта монада, что есть тот проект, в котором монада существует. Поиск принципа индивидуации у Лейбница оборачивается отысканием общего замысла творения, в котором виртуальное стало существующим, т. е. чувственно воспринимаемым: в предположении виртуального как принципа существующего важно не столько различие между сущностью и существованием, сколько — между сущим (понятым) и существующим (попросту воспринимаемым). Существующее задает порядок размышления конечного мыслящего существа (от простого к сложному, от чувственного к понятному, от смешанного к простому и т. д.), но метафизическую (а не всего лишь моральную) определенность собственного существования оно способно обрести только в полном понятии сущего.

Устремленность к наиболее достоверному способу понимания и есть характеристика новой философии — новой, т. е. следующей за Декартом. Лейбниц много полемизирует с французским мыслителем¹⁰, и один из наиболее чувствительных уколов в подбрюшье картезианской конструкции заключен в том, что Декарт хотя и говорит часто о методе, на деле ни разу не показывает, каким образом такой метод работает. Единый метод в философии — это как раз новоевропейское изобретение, и Лейбниц не отвергает самой идеи, напротив, придумывает все новые методы. Один из них — универсальный счет, или *characteristica universalis*, проект точного именования всякого сущего. Лейбниц задумывает такой язык, референтом которого было бы не суще-

⁸ Die philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz / ed. C. I. Gerhardt. Berlin, 1875–1890. Репринт: Hildesheim: Georg Olms, 1978. Vol. 7. S. 321.

⁹ О том, что в понятии объективной реальности, которое появляется позже лейбнического понятия виртуальности, также сохраняется структура предпочтения (см.: Шиповалова Л. В. О «безгласных вещах» и возможной объективности объектов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2011. Вып. 4. С. 45).

¹⁰ См.: Сретенский Н. Н. Лейбниц и Декарт. Критика Лейбницем общих начал философии Декарта: очерк по истории философии. СПб., 2007 (сер. Слово о сущем). См. также статью в той же книге: Мальшикин Е. В., Кузницын Д. В. Трудный рационализм. С. 158–181.

ствующее, а сущее¹¹: если представить всякое определение через уникальный набор математических высказываний, тогда говорить на таком языке — значит обращаться не к моральной, а метафизической достоверности. Этот проект Лейбница потерпел неудачу, поскольку, как принято считать, столкнулся уже с математическими проблемами: для обозначения уникальности Лейбниц выбрал простые числа, вернее, термин и определение, выраженные числами, которые должны быть взаимно просты. А ряд простых чисел, во-первых, незавершен, а во-вторых, операции приведения к простым числам недедуктивны. Дабы решить эту проблему, Лейбниц пытался изменить способ записи. В письмах к о. Бюве он признавался, что долгое время упражнялся в том, чтобы производить вычисления в двоичной системе. Один из набросков универсальной характеристики состоит в том, чтобы высказываться не языками арабских цифр, а нулями и единицами. Но и в этом Лейбниц далеко не продвинулся, разве что придумал арифмометр, т. е. такую машинку, которая помогала производить счет.

Изобретение Лейбница было усовершенствовано, и сегодняшние арифмометры способны производить вычисления гораздо быстрее Лейбница. Правда, проблема индивидуации сущего так и не решена: уникальность цифровых объектов ничем не обеспечена, современные способы вычисления создают иллюзию, что, попадая в цифровой мир, мы оказываемся в мире копий, которые ничем не отличаются от оригинала. Современная цифровая индустрия вынуждена искать способы для идентификации пользователей, а не цифровых объектов. И все же стремление обращаться с вещами цифрового мира, а не с вещами мира аналогового, сближает нас, разделяющих это стремление, с лейбницеvским проектом универсальной характеристики, а именно: чем лучше мы умеем управляться с потоками информации, тем больше понимаем (или осознаем, что уже не понимаем), чего же собственно хотим.

Но здесь, кажется, мы встречаемся с омонимией: виртуальное в работах Лейбница и виртуальное, каковым его знаем мы, обозначают не просто разные, а противоположные понятия. Виртуальное у Лейбница — то, что может быть приведено к существованию или, если иметь в виду проект универсальной характеристики, который есть как бы возвратный ход к наилучшему счету, виртуальное есть существующее, в котором может быть узнано сущее, т. е. имеющее строгое и полное понятие, внятное

¹¹ Принято, несколько поспешно, причислять Лейбница к аристотелевской традиции, основывающейся на различении сущности и существования. Так, в статье А. Б. Паткуля (Значение оппозиции рационального и иррационального в философии // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2009. Вып. 3. С. 34–39) читаем: «Иррациональным же оказывается то, что остается для мышления как мышления непредъявляемым — единичное актуальное существование как таковое. И, теперь, только потому, что единичное как это вот оказывается немыслимым, но при этом открытым в опыте чувственного восприятия, рационализм может быть противопоставлен эмпиризму» (с. 37). Но Лейбниц разводит не сущность и существование, а существование (*existens*) подчиняет сущему (*ens*) как понятному, причем существующее во всяком случае понятно (*Лейбниц Г. В. Размышление о познании, истине и идеях. С. 110*). Соответственно, поскольку есть не противопоставление, а подчинение, к лейбницеvской философии плохо применимы определения рационализма, эмпиризма и иррационализма. О различии сущего и сущности у Лейбница см. также: *Погоняйло А. Г. Техника себя и философия Нового времени // Человек.гу. Гуманитарный альманах (Новосибирск). 2009. № 5. С. 67–80.*

СОБЫТИЯ

человеческому уму. Возможно ли такое понятие, должен выявить универсальный счет, имеющий дело с уникальными именами. Выражением такого счета могут быть языки второго порядка: двоичный код, отредактированная под нужды универсального языка латинская грамматика или нотная запись.

А виртуальное для нас — это попросту такое, для восприятия которого нужно заплатить поставщику электроэнергии. Ведь виртуальное с его бонусами (копирование, т. е. возможность поделиться вещью без убытка, обратимое изменение, расширенные возможности преобразования и, самое важное, способность распределить счет) может существовать только благодаря счетным машинам. Да, виртуальное проясняет нас самих, поскольку возможность дистрибутивного счета предполагает индексацию в поисковых машинах и свободный доступ к виртуально существу, если только последний не ограничен формами владения, т. е. чем-то, что заведомо инородно виртуальному, естественная форма бытия которого — распределенность, принципиальная бесхозность. Но такое прояснение — лишь разнообразие способов отыскания, иллюзорное (например, если есть приятель, которому можно позвонить, а не гуглить). Когда же позвонить некому и ближайший способ самопознания — поисковая строка, мы оказываемся среди того же самого мира, из которого стремимся вырваться, если только, берясь за клавиатуру, хотели найти наилучшее. Называть виртуальным миром набор данных — не более, чем модное недоразумение. Реальность, «производимая» компьютерной игрой или поисковой системой, ничуть не менее реальна, чем реальность куклы, спортивного инвентаря или оружия. Встреча с виртуальным происходит каждый раз, когда мы, сомневаясь, раздумываем о том, что же предпочесть. И если в лейбницевском проекте было хотя бы обещание полного счета, то в расхожем понятии виртуального такого обещания нет, Интернет — это пикник на обочине новоевропейской метафизики.

Нельзя утверждать, что проект Лейбница, оказавшись невыполнимым, был оставлен. Намерения витгенштейновского «Трактата», как и замысел гуссерлевой феноменологии, призванной осаждать знания на почву жизненного мира, являются прямыми наследниками метафизики Лейбница. Но интересна, как нам представляется, не судьба, а причина провала лейбницевского проекта. Дело, как нам представляется не в том, что при попытке выразить на языке чисел индивидуально сущее Лейбниц столкнулся с неразрешимыми математическими затруднениями. И здесь мы можем только наметить поле исследования, но не предложить решение. Проект универсальной характеристики есть проект обращения с бесконечностями, т. е. как известным, так и неизвестным. Замечание Лейбница о том, что картезианский принцип «*cogito ergo sum*» есть истина факта, а не истина разума, означает буквально следующее: положение «не мыслю, но существую» возможно. Более того, оно отсылает к той форме знания, которая есть и у самого Декарта: мышление длится моментами, от прежнего теперь к нынешнему. Но тогда, когда не мыслил, я, подобно треугольнику, удерживался в бытии Богом. Таким образом, полное высказывание есть высказывание о невысказанном. И даже еще более парадоксально: это высказывание невысказанного о мыслящем, способное претендовать на достоверность не меньшую, чем достоверность *cogito sum*. Возможно ли такое? Есть соображение, которое позволяет нам не ответить «нет» тотчас же.

И картезианская доктрина, и замысел преобразования наук Бэкона, и лейбницава характеристика опираются не на понятие всеобщей истины (такой, которая известна всем, кто способен или взялся мыслить), а на понятие истины распределенной¹². Распределенное действие — такое, что выполняется и тогда, когда мы сами не уверены, выполняется ли оно, это действие, лишенное субъекта. И в таком акте возможны высказывания о том, что не схвачено теперь-вот (*con-cipio*), но схвачено не сейчас и, возможно, не нами, и все же оно может быть задействовано как схваченное. Такое высказывание будет уже опираться на иные способы понимания, которые обращены не к интуиции схватывания-собираения, но к дистрибутивному, распространяющемуся. Эту интуицию, направленную вспять схватыванию, Лейбниц называет «фиктивным, но полезным». Универсальная характеристика сродни инфинитезимальному числению: как последнее опирается на представление о бесконечно малой величине, полезной фикции, так характеристика опирается на всего лишь номинальные определения: человек — разумное животное, экзистенция предшествует эссенции и т. д. Это уподобление не является чем-то незаконным, как, я надеюсь, мне удалось показать: фиктивное основание вовсе не является свидетельством неральности производных. Описать фиктивное как прагматичное, а бесконечное как дистрибутивное — вот ближайшая задача в прояснении теологического, по замыслу, понятия виртуально сущего.

¹² Пояснить, что есть «распределенность истины» — это означает проделать иную работу, чем та, что заявлена в этой статье. В другом месте мы попытались ее выполнить (см.: Мальшкин Е. В. Дистрибутивность просвещенного состояния // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. 2013. Вып. 2. С. 44–50). Здесь же просто укажем, что дистрибутивную истину нужно понимать по аналогии с дистрибутивными (распределенными) вычислениями в современных информационных сетях, когда счет и результат этого счета принадлежит не какой-то одной машине, а сети, количество узлов в которой неопределенно и может увеличиваться или уменьшаться.